

Научная статья

<https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-1-24-27>

EDN: <https://elibrary.ru/nnziqd>

МЕЛЕНТЬЕВ АНДРЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ
МИРЭА – Российский технологический университет
(Москва, Россия)
melentev@mirea.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВОГО ОБЫЧАЯ В ПРАКТИКЕ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ (1861–1917 ГГ.)

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции роли правового обычая в деятельности волостных судов Центральной России в период с 1861 по 1917 год. На основе междисциплинарного подхода и анализа архивных материалов рассматривается уникальный статус волостного суда как института, сформированного крестьянской реформой для разрешения споров на основе местных обычаев «обычного права». В работе прослеживается динамика изменений организационно-правовых основ волостной юстиции от «Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» (1861 г.) до «Закона о преобразовании местного суда» (1912 г.).

Автор показывает, как в практике судопроизводства по семейным, наследственным, земельным спорам и обязательствам происходило столкновение и взаимодействие патриархальной традиции, основанной на представлениях о «правде» и «справедливости», и новых формально-правовых норм.

Ключевые слова: волостной суд, правовой обычай, обычное право, пореформенное крестьянство, судопроизводство, правовая культура, крестьянская реформа 1861 года, земский начальник, сельское правосудие

Для цитирования: Мелентьев А. В. Эволюция применения правового обычая в практике волостных судов Центральной России (1861–1917 гг.) // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 24–27; <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-1-24-27>.

MELENTEV ANDREY V.
MIREA – Russian Technological University
(Moscow, Russia)

THE EVOLUTION OF THE APPLICATION OF LEGAL CUSTOM IN THE PRACTICE OF THE VOLOST COURTS OF CENTRAL RUSSIA (1861–1917)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the evolution of the role of legal custom in the activities of the volost courts of Central Russia in the period from 1861 to 1917. Based on an interdisciplinary approach and analysis of archival materials, the unique status of the volost court as an institution formed by the peasant reform to resolve disputes based on local customs of «customary law» is considered. The paper traces the dynamics of changes in the organizational and legal foundations of volost justice from the «Regulations on Peasants emerging from serfdom» (1861) to the «Law on the Transformation of the Local Court» (1912).

The author shows how, in the practice of judicial proceedings on family, inheritance, land disputes and obligations, there was a clash and interaction of the patriarchal tradition based on the concepts of «truth» and «justice», and new formal legal norms.

Keywords: volost court, legal custom, customary law, post-reform peasantry, legal proceedings, legal culture, peasant reform of 1861, zemstvo chief, rural justice

For citation: Melentev A. V. *The evolution of the application of legal custom in the practice of the volost courts of Central Russia (1861-1917)* // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. 2026. № 1 (77). P. 24–27; <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-1-24-27>.

Волостной суд, созданный в ходе крестьянской реформы 1861 года, стал уникальным институтом, соединившим в себе элементы сословного самоуправления и государственной юстиции. Его деятельность основывалась на принципе, согласно которому «суд должен решить дело по совести, на основании имеющихся в деле доказательств; никакими формальными требованиями, кроме указанных в правилах, он при этом не стеснен» [1, с. 19]. Однако главной особенностью судопроизводства стало официальное признание норм обычного права в качестве источника для разрешения споров между крестьянами. Это решение законодателя было вынужденным, но прагматичным: «Законов крестьяне не знают, да и некоторые законы в корне противоположны по своей идеи крестьянским традициям и воззрениям» [1, с. 13–14]. Таким образом, волостной суд превратился в «лабораторию» взаимодействия устной правовой традиции и формирующегося общеимперского законодательства.

Организационно-правовые основы волостной юстиции претерпели значительные изменения от «Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», утверждённых 19 февраля 1861 г., до «Временных правил о волостном суде» (входящих в пакет законов, утверждённых 12 июля 1889 г.) и «Закона о преобразовании местного суда» от 15 июня 1912 г. Изначально суд задумывался как временная мера, призванная оградить крестьянскую жизнь от резкого вмешательства чуждых ей формальных норм. Как отмечалось в документах Редакционных комиссий, «мысль Административного отделения та, чтобы крестьяне имели пока суд для разбора своих собственных дел, которые во все времена их крепостного состояния ведению общих наших учреждений совсем не подлежали. Такие дела могут быть разрешаемы только по существующим у крестьян обычаям...»¹. Однако созданный как временный, волостной суд просуществовал в своей сословной форме более полувека, и его эволюция отражала общую логику модернизации страны. Реформа 1889 года,

введя фигуру земского начальника, резко усилила административный контроль над волостным судом, подчинив его государственной бюрократии, что, по мнению исследователей, привело к «царству полицейской гегемонии»². Закон о преобразовании местного суда 1912 года, напротив, пытался вернуть суду элементы самостоятельности, включив его в общую судебную систему, но последовательная реализация этих планов была прервана войной и революцией.

Практика применения правового обычая в волостных судах была крайне разнообразной и зависела от характера спора. В семейных отношениях обычай закреплял патриархальную власть «большака», однако суды, вникая во внутренние обстоятельства конфликтов, применяли этот принцип не формально, а стремились найти решение, соответствующее представлениям о справедливости внутри крестьянского мира. Например, при рассмотрении дел о краже, совершенной по научению главы семьи, волостные суды, следуя патриархальным принципам обычного права, могли полностью переложить ответственность с фактического исполнителя на главу семьи как организатора. Иллюстрацией служит случай, описанный в 1898 году: крестьянин послал жену воровать пеньку, и после ее поимки суд, признав его вину основной, приговорил мужа к пятнадцати суткам ареста. Таким образом, к жене или детям, выступавшим в роли подневольных исполнителей, применялось существенное снисхождение [1, с. 19]. Эта логика, где статус и роль в семье напрямую влияли на меру ответственности, проявлялась и в гражданских делах.

В делах о наследовании волостные суды руководствовались не нормами Свода законов, а местными представлениями о справедливости, часто основанными на принципе трудового участия в создании семейного имущества. Специфика хозяйственного уклада, при котором «все имущество являлось семейной собственностью», предопределяла подход, при котором право на наследство связывалось

¹ Волостной суд по законам 1861, 1889 и 1912 годов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 513. Ед. хр. 2624. Л. 2.

² Там же. Л. 24.

с личным вкладом каждого члена семьи [5, с. 74].

Земельные споры, составлявшие значительную часть дел, наиболее ярко демонстрировали примат общинного интереса над формальным правом отдельного домохозяина. Однако исследования показывают, что «наиболее активные крестьяне уже в 60–70-е гг. XIX в. обращались в крестьянский суд для решения «по справедливости» целого ряда вопросов жизни, в том числе земельного и, даже, с жалобой на сельский сход» [3, с. 53]. Это свидетельствует о внутренней дифференциации крестьянской среды и использовании суда как инструмента защиты своих интересов в рамках традиционных институтов. В делах по обязательствам (займам, договорам подряда) на смену устным договоренностям, гарантированным лишь репутацией в замкнутом мире общины, постепенно приходили письменные расписки. Этот процесс фиксировали уже материалы 1870-х годов: «появление с начала 1870-х гг. письменных расписок взамен устного обязательства и требование «бумажного факта» судом» [3, с. 53]. Такая трансформация обычая отражала развитие товарно-денежных отношений и растущую мобильность населения.

Важнейшей чертой народной юстиции был ее глубоко персонифицированный характер. Судьи принимали решения, «глядя по человеку», то есть учитывая репутацию, хозяйственное положение, семейные обстоятельства сторон. В этом проявлялся не произвол, а особое понимание справедливости, основанное на полном знании контекста жизни тяжущихся. Как отмечали сами крестьяне, «судом своим довольны... судьи, зная хорошо каждого крестьянина, знают поэтому, кого иногда надо пострадать, а кого помиловать» [2, с. 70].

Оборотной стороной глубокой вовлеченности судей в жизнь общины стала уязвимость самой судебной процедуры к постороннему влиянию и внутренним договоренностям. Патриархальный принцип формирования суда из числа «своих» – соседей или даже родственников, объективно создавал риски сговора, давления на судей со стороны заинтересованных лиц или местных властей в лице волостного старшины или писаря. Ситуация усугублялась низким социальным и материальным статусом судей, их частой неграмотностью и, как следствие, зависимостью от того же пи-

саря при ведении дел. Неудивительно, что крестьяне воспринимали избрание в волостные судьи не как почетную обязанность, а как тяжелую и неблагодарную повинность, чреватую ссорами с односельчанами, «кому охота своего же брата судить, только ссора, да неудовольствие, а чего доброго и беда от этого произойти может» [6, с. 133–135], так объясняли они свое нежелание занимать эту должность. Эта двойственность, глубокое знание обстоятельств жизни тяжущихся при одновременно высокой вероятности неправового влияния на решение была неотъемлемой характеристикой сословного крестьянского правосудия.

В то же время главной целью суда часто было не наказание, а примирение сторон и восстановление мира. Широко практиковались мировые сделки, а в случае недостатка доказательств дело решали на основании «божбы» (крестьянина заставляли перекреститься перед образом для подтверждения своих показаний), применялся обычай «грех пополам», когда убытки делились между истцом и ответчиком [5, с. 78]. Эта практика, уходящая корнями в глубокую древность, была жива еще в пореформенный период, особенно в земледельческих регионах.

К концу XIX – началу XX века роль обычая в волостном судопроизводстве начала меняться под влиянием ряда факторов: роста грамотности, отходничества, деятельности земств и мировых судов. Крестьяне, побывавшие в городах или служившие присяжными заседателями, приносили в деревню знания об официальном законодательстве. Это вело к своеобразному «правовому дуализму»: в бытовых, земельных и семейных спорах по-прежнему доминировал обычай, тогда как в коммерческих вопросах крестьяне все чаще стремились обращаться к источникам нормативного права. Сами волостные суды, особенно после 1889 года, испытывали растущее давление со стороны земских начальников, которые требовали руководствоваться законом, а не обычаем. В результате, как констатировала комиссия Любощинского, в протоколах все чаще появлялась формулировка: «Обычаев нет, решаем по закону»¹, хотя за этой формальной фра-

¹ Волостной суд по законам 1861, 1889 и 1912 годов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 513. Ед. хр. 2624. Л. 17.

зой зачастую скрывалось все то же решение «по справедливости» и «по человеку».

Таким образом, практика волостных судов в 1861–1917 гг. представляет собой динамичную картину постепенного, но неполного и противоречивого вытеснения правового обычая формальным законом. Волостной суд выступал в качестве буфера между двумя правовыми культурами – традиционной крестьянской и модернизационной государственной. С одной стороны, он консервировал патриархальные нормы,

с другой, стал каналом их постепенной трансформации под влиянием новых экономических и социальных реалий. Решения волостных судов, будучи массовым историческим источником, позволяют услышать «живой голос» русского крестьянина, увидеть, как народные представления о правде и справедливости адаптировались к меняющемуся миру, создавая уникальный сплав традиции и новации в правовой жизни пореформенной деревни.

Список источников

1. Безгин В. Б. Волостной суд сельской России // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12.
2. Духовской М. В. Имущественные преступления по решениям волостных судов. М.: тип. М. П. Щепкина, 1891.
3. Земцов Л. И. Решения волостных судов как источник по истории крестьянства 60–70-х гг. XIX в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. Тезисы докладов и сообщений XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Рязань, 21–24 сентября 2010 г.). М., 2010.
4. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу Н. П. Семенова. Т. I. СПб., 1889.
5. Тарабанова Т. А. Правовая культура пореформенного крестьянства (волостное судопроизводство) // Уральский исторический вестник. 1995. № 2.
6. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. СПб., 1873–1874. Т. II.

Информация об авторе:

Мелентьев Андрей Витальевич,
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Института технологий управления

About the author:

Melentev Andrey V.,
lecturer of the department of state
and legal disciplines
at the Institute of management technologies

Статья поступила в редакцию 25.12.2025;
одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 25.12.2025;
approved after reviewing 22.01.2026; accepted for publication 23.03.2026.